

DOI: 10.24412/2308-8079-2022-4-4

УДК 271.2:726 (470.2)

**ПРИХОДСКИЕ ЧАСОВНИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные проблемы строительства часовен в Олонецкой епархии. Выявлено, что возведение указанной разновидности приходских храмов всегда было сопряжено с многочисленными трудностями, количество которых, однако, уступало сложностям и бюрократическим препонам, связанным со строительством церквей. Современники событий с полным основанием связывали часовни со старообрядческой идеологией. Разрешение построить часовню обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего, имела значение отдаленность ряда деревень от приходской церкви и отсутствие возможности регулярного посещения приходского храма. Некоторые часовни играли роль памятников о значимых событиях в жизни приходов. Иногда часовни становились значимыми пунктами торговли свечами и способствовали пополнению казны приходских храмов.

Ключевые слова: часовни, храмы, духовенство, прихожане, законодательство, традиции, Православие.

**PARISH CHAPELS BETWEEN THE END OF THE 18TH
AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE OLONETS DIOCESE)**

Pulkin M.V.

The article discusses the main problems of chapels' construction in the Olonets diocese. It is revealed that the building of this type of parish churches has always been associated with numerous difficulties, the number of which, however, was inferior to the difficulties and bureaucratic obstacles associated with the construction of churches. Contemporaries of the events with good reason associated the chapels with the Old Believer ideology. Permit to erect a chapel is conditioned by a number

of circumstances. First of all, the remoteness of a number of villages from the parish church and the lack of regular visits to the parish church mattered. Some chapels played the role of monuments about significant events in the life of parishes. Occasionally chapels became significant points of candle trade and contributed to the replenishment of the treasury of parish churches.

Keywords: chapels, temples, clergy, parishioners, legislation, traditions, Orthodoxy.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме: «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII-XXI вв.: новые подходы и интерпретации» (номер государственной регистрации 121070700117-1).

Многочисленные и разнообразные проблемы, связанные со строительством и реставрацией часовен, их убранством, совершаемыми в них обрядами, особенностями отношения к ним местного населения разных территорий, происходящими близ часовен праздниками неоднократно привлекали внимание исследователей [2; 4, с. 86-90; 8, с. 31-37; 16, с. 148-164; 18, с. 91-95; 21, с. 73-122; 27, с. 69-88; 29, с. 248-254]. Рассмотрение специфических черт религиозной жизни, связанной с часовнями, неизбежно порождает необходимость их комплексного изучения как сложного и многосоставного феномена религиозной жизни. В такого рода исследовании должны найти отражение, во-первых, особенности законодательства, многочисленные правовые акты, в той или иной мере связанные с часовнями и явно призванные существенно уменьшить их число, поставив оставшиеся часовни под строгий государственный контроль. Во-вторых, заметную роль в такого рода исследовании должны играть материалы текущего делопроизводства духовных консисторий, отражающие реалии приходской жизни. Третьей составной частью исследования могут стать этнографические

материалы, раскрывающие подробности приходской жизни, связанные с часовнями.

Задача данной статьи заключается во всестороннем изучении проблем строительства часовен, порядка осуществления связанных с ними обрядов, выявлении эволюции отношения к часовням со стороны духовной и светской власти.

К началу XVIII в. в российском церковно-административном обиходе и в массовом сознании современников событий прочно утвердилась мысль о несомненной и тесной связи множества приходских часовен со старообрядческой идеологией. Нередко часовни ассоциировались с традициями приходской автономии: совершаемые в них обряды крайне мало поддавались контролю со стороны духовных консисторий. В подробной инструкции «сотскому с товарищи» от 19 декабря 1774 г. предписывалось новые часовни «строить не допускать, а кто тех селениев <...> силою своею строить таковые часовни отважится, о том вам в канцелярию рапортовать немедленно». Им же предписывалось выяснять причины и обстоятельства постройки всех имеющих приходских часовен [11]. Конкретные решения, исходя из обстоятельств, принимали местные духовные власти на самом низшем уровне. Признаков того, что учитывались законодательные нормы, в материалах делопроизводства не отмечается.

Общей закономерностью стало следующее. В XVIII в. строить часовни разрешалось в тех местах, жители которых явно не могли регулярно посещать церковь. В приказе поповского старосты Лопских погостов, адресованном в 1766 г. священнику Федору Космину, «накрепко запрещалось» служить в часовнях, расположенных в Тунгудском стане и в Машезере. Но в то же время часовни, расположенные в Березове Наволоке и в Кевять-озере, поповский староста разрешал посещать, поскольку они «от приходской нашей церкви имеются в дальней росстаянии и роспутою» [31, л. 29]. Аналогичным образом решили вопрос, возникший в связи с прошением, направленным в 1793 г. в консисторию от часовенного старосты Митрофана Федорова и мирского

старосты Самойлы Никитина «с мирскими людьми» «о пристройке при стоящей в их Уножской волости (Колодозерский приход Пудожского уезда – М.П.) в деревне Лукострове часовне во имя пророка Илии алтаря и о бытии той часовни церковью». Часовню крестьянам иметь разрешалось, но возвести церковь духовное начальство не позволяло: велено «относиться в требах к той церкви, к которой приписаны» [33, л. 52]. В обоих случаях духовные власти, оказавшись перед выбором: разрешить строить и ремонтировать часовни или вовсе лишить крестьян доступа в православный храм, предпочли первый путь.

Репрессивные меры в отношении содержателей часовен использовались крайне редко. По распоряжению губернской администрации разрушались те часовни, которые приобретали в глазах противников господствующей Церкви особое, выдающееся значение. Если духовным властям становилось известно о существовании скрываемых от глаз начальства часовен, служащих местом сбора «раскольнических сонмов», то принимались решительные меры. Узнав из донесения священника о часовне с мощами местночтимых старообрядческих святых Киприана и Елифания, поклониться которым «многочисленным» приходили и местные жители, и даже паломники из Сибири, Новгородский и Псковский губернатор Я.Е. Сиверс в 1774 г., судя по его рапорту в адрес Синода, распорядился отправить в Олонецкий уезд солдат, которые незамедлительно уничтожили часовню [39, л. 2]. В тех исключительных случаях, когда строительство новых часовен разрешалось, оно было связано с временными потребностями, а новоявленная часовня рассматривалась как филиал приходской церкви. В 1786 г., например, крестьяне деревни Тивдии Петрозаводского уезда подали прошение в Синод. Они указывали, что «наперед сего» у них имелась часовня, которую они «по согласию всего общества разрыли» (что указывает на достаточно вольное, несмотря на законодательные ограничения, обращение с культовыми зданиями). Синод, посетовав на самоуправство крестьян, разрешил им, как видно из обнаруженного в деле указа, построить новую часовню. Во внимание приняли традиционный аргумент – невозможность посещения расположенной в семи верстах церкви

«как за удалением, так и за водами и распутами». Накопленное «от подаяний доброхотных людей», за исключением средств, необходимых для покупки свечей и ладана, прихожане обязывались вносить в казну приходской церкви [52, л. 1].

Случаи, когда приходское духовенство или церковные власти следовали букве закона в вопросе о строительстве часовен, крайне редки. Проявляя суровость по отношению к традиционному порядку возведения часовен, представители местной духовной администрации стремились избежать обвинений в ослаблении бдительности. Примеры противодействия строительству часовен сохранились среди дел Олонецкой духовной консистории. В 1793 г. она запретила строительство часовен близ деревень Кичаковской и Росляковской. В указе консистории подчеркивалось, что «ежели кто дерзостию своею где начнет часовню строить и построит, и кто до оногo строения допустит», не избегнет наказания: «с таковыми людьми велено поступать как с преступниками по силе указов» [44, л. 4]. Такое распоряжение прозвучало несомненным диссонансом на фоне всех других решений епархиальной администрации о строительстве часовен. В большинстве случаев жизнь подталкивала к компромиссу как местное духовенство, так и Синод. Со своей стороны у крестьян имелись достаточно веские основания вновь и вновь настойчиво обращаться в органы власти различных уровней с прошениями о строительстве часовен. Причинами служили огромные размеры приходов и, следовательно, трудности, особенно остро ощутимые при провозе к церкви умерших. Полный отказ от православных обрядов крестьяне не допускали. Другой фактор – традиция. В соответствии с ней строительство часовни велось в память о каком-либо знаменательном событии в жизни деревни. В деревне Боровской Толвуйского прихода Петрозаводского уезда крестьяне в 1791 г. построили часовню «по случаю избавления от скотского падежа» [26, с. 15].

С целью устранения комплекса проблем материального и духовного характера духовная консистория распорядилась «часовни иметь под ведением приходских священников». В XIX в. сходные правила соблюдались

неукоснительно: «часовню разбирали до основания, если убеждались, что в ней служат раскольники» [9, с. 486]. Получив новые полномочия, приходское духовенство часто распоряжалось о строительстве или реконструкции часовен по собственной инициативе и явно вопреки требованиям закона. Например, в 1803 г. при существовании недвусмысленного законодательного запрета на строительство часовен, консистория сделала исключение для прихожан Ковежского прихода Каргопольского уезда, которые обратились к епархиальному преосвященному с просьбой о построении часовни «по случаю згорания в том приходе церкви». Аргументом, как и всегда в подобных случаях, послужила необходимость совершения «хотя малых мирских треб, как то: крещение младенцев, отпевание усопших» [47, л. 1].

Анализ материалов делопроизводства Олонецкой духовной консистории показывает, что для консистории главным аргументом в пользу строительства часовен стала экономическая выгода: возможность создания еще одного центра свечной торговли, стабильно приносящей приходской церкви ощутимый доход. Именно такое предназначение часовни позволяло преодолеть существующие запреты, а в конечном итоге способствовало сохранению часовен как особой разновидности храмов. В 1824 г. Новгородская духовная консистория, явно отказываясь от своей принципиальной позиции, разрешила возведение часовни близ Предтеченской церкви в Каргополе. Основным аргументом при строительстве стало намерение «усердствующих граждан» соорудить часовню «для жительствова и продажи свеч церковному сторожу» [42, л. 7]. Часовни, не приносящие дохода в казну приходских церквей, упразднялись. Существование значительной части часовен в XVIII–XIX вв. становилось возможным благодаря находящимся при них кладбищам. Как пишет Т.Б. Щепанская, святые места довольно часто «помечены знаками смерти» [55, с. 131].

Предназначение территории, прилегающей к часовне, как места погребения осознавалось и приходским духовенством. Правда, в Олонецкой епархии такого рода воззрения становились источником конфликтов. В 1823 г. крестьяне Лумбозерской трети Паданского прихода не допустили священника в

расположенную при старообрядческом кладбище часовню, где он намеревался совершить погребальный обряд. Причины отказа кратко излагались в рапорте раздосадованного иерея: «у них часовня по старообрядчеству». По отношению к духовенству старообрядцы в данном случае оказались настроены решительно и агрессивно. Они определенно намекали на возможное активное сопротивление не только уничтожению часовни, но даже проникновению в нее: «если могут, то пусть идут в часовню и разломают дверь». Репрессивные меры в отношении «раскольников» не были применены. Олонецкое губернское правление распорядилось «сделать повсеместное священникам воспрещение, чтобы они не делали никакого раскольникам притязания» [38, л. 2-3].

В ряде случаев часовня становилась центром местных праздников. Судить о них мы можем на основании довольно незначительных по объему и чрезвычайно туманных свидетельств представителей местных духовных властей. В 1824 г. в Лекшмозерском приходе Каргопольского уезда обнаружился «деревянный крест, обрубленный на манер часовни». К нему регулярно приходило «немалое количество народа для богомоления», поступали деньги, холст «и прочее». Все дары хранились в доме одного из крестьян. О характере обрядов, совершаемых близ креста, подробных сведений не сохранилось. Но внешний облик местной святыни послужил достаточным основанием для принятия репрессивных мер. Самовольно возведенный крестьянами крест, «обрубленный на манер часовни», разобрали, а хранящиеся в домах у крестьян подношения передали в ближайшую церковь [50, л. 4]. Аналогичные часовенные праздники происходили в деревне Пелтожи Волостнаволоцкого прихода. Единичный отказ местного духовенства в 1865 г. приехать на праздник стал причиной жалобы крестьян и разбирательства в духовной консистории, которая решила, что во всем виноваты сами прихожане, не приславшие за священником подводу [36, л. 2].

Самовольное возведение часовен пресекалось и в начале XIX в. Именно такое распоряжение получил благочестивый крестьянин из Каргопольского уезда, намерения которого вполне укладывались в рамки существующей

традиции. В 1809 г. Новгородский митрополит запретил крестьянам Заднедубровского прихода Каргопольского уезда строить часовни во имя Животворящего Креста Господня и преподобного Макария в память об избавлении от эпизоотии («скотского падежа»). Митрополит рассудил, что «необещания часовни строить услышаны от Бога, а при покаянии вознесенные к нему молитвы и обещание жить добродетельно и православно» [43, л. 1]. В 1811 г. в Новгородской духовной консистории рассматривалось дело о покрытии новым тесом одной из часовен, расположенных в приходе Олонецкого Николаевского собора. Следствие выяснило, что часовня «возобновлена» за счет сумм, незаконно выделенных из часовенной казны, которая по существующим правилам должна целиком передаваться в казну собора [32, л. 1]. В 1836 г. крестьяне деревни Гольяниц в Водлозерском Пречистенском приходе перестроили свою часовню. В ответ на претензии со стороны органов власти они пояснили: «полагали, что как разрешил священник, то и от другого начальства испрашивать не нужно» [35, л. 7].

Нарратив о затруднениях при исполнении обрядов также далеко не всегда обеспечивал гарантированный успех крестьянским прошениям. В 1820 г. крестьяне из Водлозерской Ильинской волости обратились в Новгородскую духовную консисторию с просьбой разрешить строительство часовни взамен «по случаю несчастному згоревшей». В качестве аргумента в пользу строительства в прошении, составленном крестьянами, указывалось на затруднения при посещении приходской церкви. Деревни прихожан находятся в пяти верстах от приходской церкви. Селения со всех сторон «окружены водами, почему в вешнее и осеннее времена за распутием, а в летнее иногда за сильными погодами, в приходскую церковь для богомоления по рачению прихожанам притти не можно». Консистория распорядилась и в данном случае «вовсе отказать» прихожанам, ссылаясь на указ 1734 г., категорически запрещающий строить часовни [34, л. 2]. В 1837 г. аналогичное распоряжение консистории получили крестьяне Гимольского прихода, самовольно построившие православную часовню в деревне Калюшиной Горе. Возведенную

ими часовню во имя Кирика и Иулитты пришлось разобрать [45, л. 6]. В том же 1837 г. Олонецкая духовная консистория, рассмотрев дело о «весьма обветшавшей» часовне, расположенной в Воезерском приходе, приняла решение о ее уничтожении «по незначительности поступавших в нее доходов» [49, л. 1].

Забота духовных властей о сохранении часовен как источника пополнения казны приходской церкви проявилась и в беспокойстве духовной консистории по поводу того, каким образом организован учет находящегося в часовнях имущества и поступающих пожертвований. В 1830-е гг. в документах консистории впервые появляются данные о привлечении церковных старост на часовенные праздники, во время которых удавалось получить наиболее обильные приношения. Старосты собирали деньги, делали соответствующие записи в приходо-расходных книгах церкви и возвращались к исполнению своих основных обязанностей [46, л. 4]. Но и после решительных мер в делах духовного ведомства отмечалось, что в некоторых приходах Олонецкой епархии сохраняется своеобразный «часовенный сепаратизм». На часовни «в принадлежности их к церквам не довольно обращают внимания (духовные власти – *М.П.*), оставляя часовни как бы в заведывании местных крестьян». «В сих последних иногда зарождается приверженность к своей часовне, с оставлением приходской церкви». В итоге церкви «несут ущерб как по части усердия взносов, так и по части усердия ко всем христианским обязанностям, в церкви исполняемым» [48, л. 1].

Сокращение количества часовен, инициированное духовной властью, явно способствовало распространению в народе эсхатологических настроений и негативно сказывалось на репутации духовного ведомства. В 1831 г. состоялся заметный поворот в церковной политике. Синод рассмотрел документ, составленный Олонецким епископом Игнатием (Семеновым) и содержащий развернутую критику принятых ранее мер против часовен. В первые годы архипастырской деятельности епископ оценил значение часовен для поддержания стабильной религиозной жизни и создал их краткую

классификацию. С его точки зрения, нашедшей впоследствии поддержку в Синоде, появление часовен на приходах Севера России связано с рядом обстоятельств. Поводом к строительству часовни могло стать обнаружение чудотворных икон. Иногда часовни связаны с погребальной обрядностью. Особую разновидность часовен составили те, которые находятся в селениях, «выстроены для богомоления по весьма значительной отдаленности от приходских церквей». Главным выводом в документе стала дифференциация мер в отношении часовен. Абсолютно недопустимо оставлять их без ремонта, надеясь на постепенное разрушение. Более того, некоторые из них следует перестроить в приходские церкви. Нередко часовни служат напоминанием о Божием Промысле, который спас деревню в трудные месяцы эпизоотий, катастрофических неурожаяев и т.д. В ряде часовен вполне возможно сохранить устоявшийся порядок церковной службы, но под усиленным контролем со стороны приходского священника. После уничтожения часовни в деревне останется только «домашняя раскольничья служба», что сильно подорвет позиции господствующей церкви [20, с. 234-235]. Иногда к часовне просто пристраивали алтарь, превращая ее в приходскую церковь и прекращая таким способом деятельность старообрядцев. В 1838 г. часовня в Чаженском «раскольническом жилище» (бывшем старообрядческом ските) превратилась в приходской храм по инициативе олонецкого духовного начальства и при активной поддержке местного благочинного [37, л. 13].

Этнографические исследования позволяют сделать более определенные выводы по рассматриваемому вопросу. Большинство деревенских праздников у вепсов «посвящалось святым или событиям православной истории, в честь которых была построена деревенская часовня». Поскольку часовни часто строились по случаю прекращения массовой болезни скота, то они и становились центром праздника, связанного с очередной годовщиной окончания эпизоотии. Местные жители пригоняли скот к часовне, священник «служил молебен и освящал воду в специально приготовленных чашах. <...> После совершения ритуала пастух выгонял скот на пастбище» [3, с. 109-110].

После прекращения местной трагедии, побудившей построить часовню, она оставалась предметом почитания и напоминанием о минувших трагических днях. Заонежане в случае эпизоотии ходили замаливать грехи в дер. Рим, «где стояла заветная, построенная по случаю скотского падежа за один день часовня Ильи Пророка» [15, с. 34]. Иногда часовенные праздники сопровождались ритуальным пиром – поеданием «мирского» (вскормленного всем «миром») быка [40, с. 130]. «В храмовые и часовенные праздники карелы войдут в церковь, поставят свечу празднику, не зная, как его больше назвать». В богослужении участия они не принимают и «спешат на открытом воздухе, вокруг церкви или часовни, заняться варкою баранов». По их представлениям, «варение и ядение вокруг церкви или часовни составляет угождение и умилоствление праздника большее, чем участие в молитвах при богослужении» [14, с. 99]. В начале XX в. во многих часовнях Олонецкой епархии совершались языческие обряды, прихожане варили пиво, которое употребляли тут же, непосредственно на праздниках, связанных с местной часовней [24, с. 79].

Богослужение не всегда соответствовало литургическим правилам: в северных поселениях, зачастую сильно удаленных от приходского храма, «полевые молебны служили в часовнях грамотеи» [1, с. 224]. Одной из основных функций часовен стало поминовение усопших, «чаще всего поминальные часовни сооружались на кладбищах». Особую разновидность часовен составляли «*часовни-усыпальницы*, возведенные над мощами местночтимых святых» [29, с. 249]. Для поморской культуры типично «возведение *промысловых часовен* в становищах – временных поселениях, образованных в местах рыбного, зверобойного, лесного промыслов» [29, с. 250]. Желание сохранить и увековечить воспоминания о явлении чудесной иконы, обретении мощей, гибели или спасении человека становилось основанием для возведения часовни [18, с. 92]. Иногда часовни располагались на пути продвижения паломников. Особую роль часовни играли при осуществлении крестных ходов. В Сенногубском приходе Олонецкой губернии

крестные ходы, помимо часовенных праздников, совершались «во время бездождия или безведрия» [12, л. 15]. В некоторых случаях крестные ходы могли сочетаться с молебнами или молебны заменяли собой крестные ходы. В Заонежье молебны от засухи устраивали в церквях и часовнях, посвященных Илье Пророку, «или в полях по соседству с ними» [15, с. 21].

Многочисленные общественно-религиозные функции часовен обусловили их исключительную жизнеспособность. Очередная попытка урегулирования вопроса о существовании часовен предпринята в Уставе духовных консисторий, подписанном императором Николаем I в марте 1841 г. Устав определил: «издревле построенные благочестивым усердием православных предков часовни должны быть сохраняемы, а потому и возобновляемы быть могут» [53, с. 23]. Дальнейшая детальная разработка проблемы строительства часовен связана со Сводом законов середины XIX в. В нем изложена компромиссная позиция центральной власти по вопросу о строительстве часовен. Их, как и молитвенные дома, разрешалось возводить только по согласованию с духовным начальством. Нарушителей закона следовало предавать суду, а незаконно возведенное здание – разрушить [17, с. 155]. В условиях, сложившихся к середине XIX в., местная власть смогла получить важное преимущество в сдерживании инициативы прихожан. Например, в 1847 г. перед судом предстали несколько крестьян Воробьевской волости, включая волостного голову и сельского старшину. Их судили «за невоспрещение крестьянам деревни Максимовской производить самовольную поправку в той деревне часовни из казенного на домашние надобности отпущенного им лесу» [51, л. 35].

Если удавалось доказать, что часовня не связана со старообрядческим движением, ее судьба оказывалась более позитивной. В 1871 г. иерея Кенозерского прихода обвинили в освящении незаконно построенной местными жителями часовни. При рассмотрении дела консистория ссылалась на указ Синода, датированный 25 августа 1865 г. В нем епархиальному руководству предписывалось «делать окончательные постановления об

уничтожении или об оставлении тех часовен, которые оказались бы построенными или перестроенными без разрешения духовного начальства» [5, л. 11; см. также: 13, с. 789]. Материалы делопроизводства Олонецкой духовной консистории показывают, что предписание неукоснительно выполнялось. В 1879 г. Олонецкая духовная консистория обратилась в Строительное отделение при Олонецком губернском правлении с просьбой утвердить план и смету на строительство часовни в Вешкельском приходе. Консистория указывала, что местная часовня возводится на месте прежней церкви, построенной в 1654 г. и «за ветхостию назначенной к срытию» [22, л. 3]. В дальнейшем составление архитектурского проекта и сметы перед началом строительства или реконструкции часовни стало обычным делом.

Новые либеральные изменения в законодательстве о часовнях наступили в 1883 г. Согласно утвержденному императором мнению Государственного Совета, старообрядцам разрешалось «исправлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в ветхость». Единственным ограничением стало требование, чтобы «общий наружный вид исправляемого или возобновляемого строения не был изменяем». На производство ремонтных работ «раскольники» обязывались каждый раз испрашивать разрешение губернатора [10, с. 128]. Законодательство начала XX в. позволило старообрядцам «исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в ветхость», с позволения губернского начальства [7, с. 86]. В 1897 г. крестьяне Шимозерской волости собрались на сход для решения важного вопроса: «каким бы богоугодным деянием ознаменовать в нашей местности всерадостный день священного коронования их императорских величеств». Во время обсуждения у собравшихся возникло «искреннее желание» построить вместо имеющейся ветхой церкви (и, вероятнее всего, незаконно возведенной) новую во имя святого Макария Египетского, «чем выразить горячие верноподданнические чувства». Лес предполагалось вывезти из крестьянского надела их же собственными силами. На обустройство часовни решили потратить средства

прихожан [30, л. 2]. Одно из последних дел такого рода датировано 1900 г. Каргопольский уездный исправник доносил об успешном выполнении важного мероприятия. Ему удалось обнаружить в глухом лесу деревянную «избушку, именуемую шежемской раскольнической часовней», которую регулярно посещали местные старообрядцы. «Избушку» разрушили, «лесной материал» уничтожили, обнаруженные в ней иконы отправили в консисторию [6, л. 1].

Устав строительный (1881 г.) содержал позволение епархиальным архиереям разрешать возведение часовен «по достойным уважения причинам» [54, с. 424]. Осуществление распоряжения на практике началось незамедлительно. В 1902 г. по благословию епископа Назария местные верующие отремонтировали часовню, расположенную неподалеку от деревни Машезеро. Аргументом стала «необходимость молитвенного утешения», нужного каждому человеку, «остающемуся здесь, в глухом лесном уголку, большею частью наедине с собою» [25, с. 3]. В начале XX в. удалось укрепить связь между приходской церковью и часовней: существование часовни поддерживалось за счет церковной казны. Судя по описанию Гимольского прихода Повенецкого уезда, местные прихожане из-за бездорожья и огромных расстояний до приходской церкви «обыкновенно собираются в воскресные и праздничные дни для молитвы в часовни, которые имеются почти во всех деревнях». Сюда обыкновенно привозят из церкви ладан, свечи и масло для лампад. Продажей свечей и вообще всем хозяйством часовен занимаются выборные старосты, действующие под контролем местного духовенства [19, с. 225]. В начале XX в. благочинные с удовольствием отмечали позитивное влияние часовенных праздничных богослужений на состояние дел в приходах: «Совершение всенощных бдений в часовнях Ильинского прихода, Туксинского, отчасти Водлозерского и Туломозерского с чтениями из житий святых благотворно действует на народ». Местные жители относятся к богослужениям «очень сочувственно, особенно в дальних от погостов деревнях» [23, л. 20 об.].

Итоги длительных усилий, связанных со строительством часовен в Олонецкой епархии, отражены в статистических сведениях, составленных на

основании отчетов петрозаводского полицмейстера и уездных исправников в 1910 г. Довольно многочисленными стали городские часовни (что косвенно указывает на поддержку строительства часовен городскими властями). В Петрозаводске, являвшемся центром епархии, располагалось 15 часовен, в Олонце – 3, Лодейном Поле – 6, Вытегре – 5, Пудоже – 7, Повенце – 5. Еще более значительна численность часовен в сельских приходах Олонецкой епархии. Наибольшее количество – 350 часовен – располагалось в Петрозаводском уезде. За ним в порядке убывания следовали Вытегорский (271), Каргопольский (267), Пудожский (224), Лодейнопольский (212), Олонецкий (192), Повенецкий (170). Общее количество часовен в епархии к 1910 г. составило 1 727, т.е. приблизительно по три часовни на каждую приходскую церковь [41, л. 9, 27, 41, 65, 92, 117, 140, 158].

В целом часовни продолжили играть свою проверенную веками роль в повседневной жизни северной деревни. Они получили широкое распространение и «прочно вошли в сложившуюся систему сакрального ландшафта Русского Севера», оказались «идеальным маркерным объектом в сельской среде», «использовались для символического структурирования округа и выделения в ней мест с сакральным смысловым наполнением» [28, с. 263]. Длительная борьба против строительства часовен, инициированная центральной властью, оказалась малоэффективной по причине слабой исполнительной дисциплины и ограниченных возможностей контроля над обрядами, совершаемыми в далеких деревнях. Настойчивость прихожан и лояльная по отношению к верующим позиция местных духовных и светских властей постепенно привели к ослаблению административного нажима на строителей часовен. В итоге часовни оказались реабилитированы. Связанная с ними разнообразная обрядность стала неотъемлемой частью религиозной жизни Олонецкой епархии.

Список литературы:

1. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.
2. Бодэ А.Б. Древние московские и новгородские корни в деревянном храмовом зодчестве Русского Севера. М.: Прогресс-традиция, 2019. 496 с.
3. Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1996. 246 с.
4. Гришина И.Е., Кистерная М.В., Козлов В.А. Комплексная хронологическая атрибуция часовни в заонежской деревне Подъельники // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 8. Т. 2. С. 86-90.
5. Дело по обвинению священника Кенозерского прихода в освящении незаконно построенной местными жителями часовни // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 90/1930. Л. 1-13.
6. Журнал Олонецкой духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 74/855. Л. 1.
7. Законы о раскольниках и сектантах с разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената, циркулярами Министра внутренних дел, правилами о метрических книгах и об устройстве миссии и способ действия миссионеров и пастырей церкви, с извлечениями из нового Уголовного уложения, высочайше утвержденного 22 марта 1903 года. М., 1903. 226 с.
8. Зинина О.А. Деревянные часовни Устьмошского прихода. Новые исторические исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 31-37.
9. Иванова А.И. Северные часовни в церковно-правовом пространстве России во второй половине XVII – начале XX в. // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 486-497.

10. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга. СПб., 1883. 430 с.
11. Инструкция сотскому с товарищи // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 19. № 14231. С. 244-245.
12. Исторические сведения о приходах Петрозаводского уезда // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 450 (Барсов Е.В.). Оп. 1. Д. 696. Л. 1-141, об.
13. Кенорецкий Н. Освящение храма // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 22. С. 789.
14. Корелы Олонецкой губернии // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1876. Т. XI. С. 98-102.
15. Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1993. 150 с.
16. Лютикова Н.П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII-XIX вв. // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб.: Наука, 1992. С. 148-164.
17. Малютин Ф. Извлечение из Свода законов Российской империи узаконений, относящихся до духовного ведомства православного исповедания. (Издание 1857 г.). СПб., 1863. 238 с.
18. Мелютина М.Н. Церковно-народный месяцеслов: посвящения и праздники кенозерских часовен // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 91-95.
19. Надпорожский П. Гимольский приход, Повенецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 6. С. 225-233.
20. Об имеющихся в Олонецкой епархии во множестве часовнях // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1915. Т. 1. № 360. С. 234-235.

21. Орфинский В.П. Часовни в традиционной культуре карел // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 73-122.
22. Отношение Олонецкой духовной консистории в Строительное отделение при Олонецком губернском правлении с просьбой утвердить план и смету на строительство часовни в Вешкельском приходе // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 50. Д. 19/5. Л. 3-3 об.
23. Отчет благочинного церквей 2-го округа Олонецкого уезда за 1902 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 20-20 об.
24. П. Мошинский приход, Каргопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 3. С. 75-79.
25. П.Д. Часовенка в честь Феодосия // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 76. С. 3.
26. П.И.П. Толвуйский приход Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Петрозаводск: Губ. тип., 1891. 44 с.
27. Пермиловская А.Б. Деревянные часовни в православных традициях Русского Севера и Арктики // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства 2017. Вып. 27. С. 69-88.
28. Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург: Правда Севера, 2010. 549 с.
29. Пермиловская А.Б. Часовня в традиционной культуре Русского Севера // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 248-254.
30. Приговор сельского схода Шимозерской волости // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 95. Оп. 1. Д. 28/930. Л. 2-3.
31. Приказ поповского старосты Лопских погостов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 1/1. Л. 29.
32. Протокол о «возобновлении» часовни за счет сумм, незаконно выделенных из часовенной казны // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 19/36. Л. 1.

33. Прощение в консисторию от часовенного старосты Митрофана Федорова и мирского старосты Самойлы Никитина «с мирскими людьми» // Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 9. Д. 147. Л. 52.

34. Прощение крестьян Водлозерской Ильинской волости в Новгородскую духовную консисторию о разрешить строительство часовни взамен «по случаю несчастному згоревшей» // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 29а/75. Л. 2.

35. Прощение крестьян деревни Гольяниц Водлозерского Пречистенского прихода о сохранении перестроенной часовни // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 9. Оп. 1. Д. 336/3274. Л. 7.

36. Прощение крестьян деревни Пелтожи Волостнаволоцкого прихода об отказе местного духовенства явиться на часовенный праздник // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 104/39. Л. 2.

37. Рапорт благочинного о часовне в Чаженском «раскольническом жилище» (бывшем старообрядческом ските) // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 36/414. Л. 13.

38. Рапорт священника Лумбозерской трети Паданского прихода о проступке местных крестьян // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 29а/75. Л. 2-3.

39. Рапорт Синоду Новгородского и Псковского губернатора Я.Е. Сиверса // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 55. Д. 425. Л. 2.

40. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988. 782 с.

41. Статистические сведения о церквях и часовнях Олонецкой епархии, составленные на основании отчетов петрозаводского полицмейстера и уездных исправников в 1910 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 27. Оп. 2. Д. 26/407. Л. 9, 27, 41, 65, 92, 117, 140, 158.

42. Указ Новгородской духовной консистории о разрешении возведения часовни близ Предтеченской церкви в г. Каргополе // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 33/83. Л. 7.

43. Указ Новгородской духовной консистории о запрете крестьянам Заднедубровского прихода Каргопольского уезда строить часовни во имя Животворящего Креста Господня и преподобного Макария в память об избавлении от эпизоотии // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 12/7. Л. 1-1 об.

44. Указ Олонецкой духовной консистории о запрете строительства часовен близ деревень Кичаковской и Росляковской // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 19. Д. 2/18. Л. 4.

45. Указ Олонецкой духовной консистории о крестьянах Гимольского прихода, самовольно построивших православную часовню в деревне Калюшиной Горе // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 46а/246. Л. 6.

46. Указ Олонецкой духовной консистории о привлечении церковных старост на часовенные праздники // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 19. Д. 21/291. Л. 4-6.

47. Указ Олонецкой духовной консистории о строительстве часовни в Ковежском приходе Каргопольского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 12/67. Л. 1.

48. Указ Олонецкой духовной консистории об учинении по всем часовням Олонецкой епархии описей имущества // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 39/30. Л. 1.

49. Указ Олонецкой духовной консистории об уничтожении «весьма обветшавшей» часовне, расположенной в Воезерском приходе // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 5. Д. 45/55. Л. 1.

50. Указ Олонецкой духовной консистории об уничтожении самовольно возведенного крестьянами креста, «обрубленного на манер часовни» в Лекшмозерском приходе Каргопольского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 33а/102. Л. 4.

51. Указ Палаты уголовного и гражданского суда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 9. Оп. 1. Д. 271/2695. Л. 35.

52. Указ Синода о строительстве новой часовни в деревне Тивдии Петрозаводского уезда // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 69. Д. 184. Л. 1-1 об.

53. Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 5-64.

54. Устав строительный // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 420-437.

55. Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб.: Наука, 1995. С. 110-176.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.